

АМАЯК ТЕР-АБРАМЯНЦ

ПРИБАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

Амаяк Тер-Абрамянц
Прибалтийский акцент

«Издательские решения»

Тер-Абрамянц А. П.

Прибалтийский акцент / А. П. Тер-Абрамянц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855505-3

Ветер, волны, сосны — что навсегда в душе русского писателя армяно-эстонского происхождения. Таллин — сказочный сон, который никогда тебя не отпустит...

ISBN 978-5-44-855505-3

© Тер-Абрамянц А. П.
© Издательские решения

Содержание

Капитан Клятов	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Прибалтийский акцент

Амаяк Павлович Тер-Абрамянц

© Амаяк Павлович Тер-Абрамянц, 2017

ISBN 978-5-4485-5505-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Капитан Клятов

Прощай любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А. Чуркин

1

Будь прокляты, эти немцы! Будь прокляты, эти немцы!... Ничего, ничего, Павлик, не бойся – видишь какие наши матросы большие, сильные! Это наши матросы, краснофлотцы, самые смелые, самые сильные!... Дрожишь? Холодно? Давай я тебя в свою кофточку... вот так. Ну и что ж что места внизу нет: внизу много народу, внизу жарко и дышать нечем, пахнет, пахнет плохо, Павлик, а здесь на палубе свежий воздух, ветер, солнце... смотри как красиво: небо голубое, облака... море какое зеленое, как стекло, а на волнах белые барашки... Тошнит? – Это ничего, это оттого, что немного качает, это ничего: привыкнешь, пройдет и станешь у меня настоящим моряком, морским волком, да?.. Не станешь? Ну, тогда доктором, обязательно доктором.

Отойти от установки? Да куда же мы? – Ладно, постараемся, в тесноте да не в обиде, и теплее будет... Жарко будет? Шутите, товарищ раненный, здесь же дети! Это самолет? Это чей самолет? Наш, наш, конечно, наши соколы... Господи помоги, зачем он так воет?...

«Не вижу! – орал наводчик зенитки с перевязанной буро-серой тряпкой головой, – от солнца, гад, заходит!»

Матери закрывали собою детей, раненные невольно втягивали головы в плечи, съеживались, будто желая уменьшиться до размера насекомого, вжаться в палубу, забиться в щели...

Равномерно застучала зенитка, выбрасывая на палубу дымящиеся гильзы.

– Га-ады! Га-ады! – стонала толпа беженцев и раненных на палубе, а из трюма, где ничего не видели и не ведали, поднимался утробный вой и стон слепого ужаса.

Открыли огонь и зенитки на бортах, лениво бухнул из орудий, идущий поодаль крейсер «Киров» по неведомой цели.

– Дети же здесь! – визжала обезумевшая женщина, встав во весь рост и потрясая кулачками, но ее жалкий вопль и крики других перестали быть слышными в нарастающем пронзительном вое пикирующего на судно бомбардировщика. На серых крыльях мелькнули черные крестики, а за ботом взвился столб воды, от ударной волны судно резко дернулось и с пораженной осколками надстройки что-то посыпалось и зазвенело.

– Доктора! Доктора!... Кровь остановите... Да рвите же вы ваше платье... Черт бы подрал их... Уходит, уже уходит, да не плачь, не реви!...

– Мама, мама, смотри, а это МИНА?...

– Где, какая еще МИНА?

– ТАМ... ТАМ!... МИНА!... МИНА!!!

Меж зеленых волн покачивался черный рогатый шар со шматком желто-зеленых водорослей, игриво накрученных на один из рогов, будто башка подвыпившего морского черта вышедшего прогуляться по илистому дну.

– МИНА! – МИНА ПО КУРСУ, ПРАВО НА БОРТ, СТОП МАШИНА!...

Но инерция слишком велика, медленно, но неуклонно сокращается пространство воды меж миной и зеленой ватерлинией, черт делает еще один шаг и к небесам взрывается вихрь воды и обломков. Вздогнула палуба, все больше стала крениться к носу, кто стоял – попадал, ринулась, забирая пространство, зеленая вода, катятся серые комки в мелкие волны. Кричат все, каждый о своем и каждый об одном...

2

Адмирал Трибуц не отнимал от глаз бинокля, наблюдая, как впереди идущий транспорт «Эдда», гудя сиреной, стремительно погружался носом в море – погибал, потому что при нем не было ни одного минного тральщика. Под скулами его ходили желваки, обычно живое лицо онемело от бессонницы и ничего не выражало. Семь минных тральщиков терлись рядом с гордым «Кировым», красой балтийского флота, на котором находился он, семь минных тральщиков должны были охранить «Киров» от любой случайности, да еще параван-охранитель – стальная полуподводная рама вокруг носа и передней части корпуса крейсера, предохраняющая от нежелательных непосредственных столкновений с рогатыми чудовищами.

Надо было думать об эскадре, прежде всего об эскадре!

– Самый малый вперед, – приказал Трибуц.

Гремели бортовые орудия и зенитки при очередных заходах юнкерсов, то и дело внезапно обрушивающихся из клочкастых серых балтийских облаков на растянувшиеся в десятки километров, часто сбившиеся с курса и бредущие по минным полям, как овцы потерявшие пастуха, суда конвоев. Но эскадра держалась, почти не нарушая строй, чуть в стороне от десятков и сотен грузовых транспортов (их никто так и не сосчитал), забитых беженцами, ранеными, солдатами гарнизона, успевшими покинуть Таллин – главную базу Краснознаменного Балтийского Флота до вчерашнего дня. Все эти караваны были оснащены лишь минимальным прикрытием катеров морских охотников (МО), эсминцев и тральщиков, в большинстве своем уже отправившимися на дно.

– Позор! – вдруг услышал Трибуц под своим ухом, – позор!

Он резко оглянулся: это был капитан третьего ранга Клятов, хороший моряк, как он слышал от Сухорукова, капитана «Кирова».

Клятов тоже смотрел на тонущее судно остекленевшими глазами. – Мы не защищаем женщин и детей, а защищаем себя... Мы, военные моряки!

– Что?!.. Что вы себе позволяете говорить? – взорвался Трибуц (бессонные ночи и усталость дали себя знать), – Да вы понимаете, что вы несете? – Да как вы смеете порочить честь Краснознаменного Балтийского Флота! За это и ответить можно по всей строгости, предупреждаю!

Он немного перевел дух.

– Мы ни за кого не прячемся, капитан, и если есть возможность – всегда поможем! Но есть приказы, инструкции, которые не обсуждаются! Людей ему жалко... А вы подумали о кораблях, которые мы должны довести в Ленинград? Вы подумали, что они там нужны для обороны, их мощные орудия, зенитки? Сколько мы людей там должны спасти?..

Клятов молчал, насупившись:

– Мы не сделали даже попытки...

– Молчать!

Возьмите себя в руки, товарищ капитан третьего ранга! Нервы у вас просто расшатались, нервы! А пока марш в кубрик и чтобы я вашей кислой физиономии до конца перехода не видел!

– Есть! – козырнул Клятов и захохотал по трапу мостика вниз.

С левого крыла мостика подошел капитан «Кирова» Сухоруков.

– Нервные у вас подчиненные, – проворчал Трибуц, – прямо дамочки какие-то из драмкружка!

Сухоруков тактично промолчал, мудро решив, что происшедшее на мостике до него не имеет прямого отношения к оперативно-тактической обстановке.

Трибуц вновь поднял бинокль, обозревая акваторию. На месте, где находилась «Эдда», плавали лишь какие-то обломки и мелькали среди волн черные точки – головы людей. Одинокий Морской Охотник, проходящий невдалеке, резко изменив курс, бесстрашно, невзирая на минную опасность, бросился спасать тех, кого еще можно было спасти.

Трибуц отнюдь не был человеком жестоким, скорее наоборот, но жалость свою он научился скрывать и подавлять, иначе в данных обстоятельствах она бы могла помешать действовать. А сейчас надо было превратиться в машину! Кроме того жалость это чувство к индивидуальному – человеку, животному, а душа человеческая не в силах вместить сочувствия к слишком большому числам. Но он вовсе не смотрел равнодушно на появляющиеся и исчезающие в волнах черные точки, имя этому чувству было другое – досадливая горечь.

Но инцидент с Клятовым не выходил из головы.

Дон Кихот! Легко ему рассуждать. Да что он вообще понимает и знает? Знает ли он, что ему, Трибуцу не раз намекали сверху, чтобы вообще оставить весь гарнизон, беженцев, а увести только военный флот?! И вот за это, за то, что он взял, сколько мог, солдат и беженцев, что он считает, может быть, своей главной заслугой, его никто не похвалит – ни командование, ни люди, перенесшие ужасы перехода...

И за спешку с эвакуацией будут ругать, что оставил на пристани 5 тысяч солдат на милость немцев. А что он мог сделать? Если по разумному, эвакуацию можно было бы постепенно начинать, за две недели и забрать все до последнего гвоздя, но попробовал бы он сам только пикнуть об отходе из Таллина, его бы сразу расстреляли, обвинив в трусости и паникерстве – так было уже с несколькими генералами. Вот и пришлось ждать, пока не пришел приказ сверху от Ворошилова, когда уже и этой деревянной башке стало очевидно, что Таллин не удержать, вот и пришлось то, что можно было сделать основательно за две недели сделать всего лишь за два дня!

Но дальше всего он отгонял от себя мысль самую вредную и каверзную. О том, что «Киров» он так бережет, избегая всяких мнимых и действительных опасностей не столько ради заботы о флоте, но из страха за себя – ведь это любимое детище вождя, за которое он отвечает головой.

3

Перед тем как уйти в кубрик, Клятов оглянулся: тут и там над морем и из-за горизонта косо вытягивались дымы горящих судов. Сплюнув, он затопал тяжелыми флотскими ботинками по узкому трапу вниз.

В кубрике, несмотря на свет иллюминаторов, было сумрачно. Поодаль, прямо на шинели полулежал матрос в тельняшке с перебинтованными глазами и поминутно повторял: «Доктор, доктор, я видеть буду?». «Буде, буде», – успокаивал его сидящий рядом другой матрос с перевязанной рукой. Тут находился и Дубровский, корреспондент флотской газеты, воспевающей подвиги краснофлтяцев. Вид у него был совсем не героический: рыжие волосы растрепались оттого, что он часто нервно чесал голову. Перед ним на столе лежала записная книжка, в которую он с начала перехода еще не внес ни строки и авторучка с золотым пером – подарок жены в день свадьбы.

– Как там? – с надеждой спросил он, завидев Клятова.

– Можете записать: потопили 10 немецких подлодок, – усмехнулся Клятов. – Вы бы сами вышли, глянули.

– Не могу, – обхватил голову Дубровский, – вы не думайте, я не из страха, вернее я боюсь, но не оттого... – принялся он торопливо объяснять. – Там мои, понимаете, мои на «Виронии», жена с сыном... – он громко сглотнул. – Верите ли, мне кажется, что я чем-то притягиваю на них мины и бомбы, моя тревога притягивает. Вы верите в приметы?

– Нет.

– Я тоже не верил...

Клятов вытащил армейскую флягу, сходил за стаканами, поставил перед собой и Дубровским и плеснул в каждый.

– Я не пью, – запротестовал Дубровский.

– Ну, так и не пейте, – равнодушно молвил Клятов, взяв граненый стакан. – Только что на моих глазах «Эдда» затонула, там друг мой, старопомом, Сашка Гордеев, мы с ним три дня назад в «Золотом льве» сидели, в Таллине...

Он выпил спирт и занюхал суконным рукавом бушлата. – а сколько там было гражданских, женщин, детей, я видел, как они с пристани по трапу поднимались, с чемоданами, игрушками – куклами, лошадками всякими...

– Все? – ахнул Дубровский.

– Может и не все, может Сашка продержится и катер подберет...

Дубровский внезапно схватил стоящий перед ним стакан и одним махом выпил и задохнулся: покраснел, вытаращил светлые глаза, шумно продышался.

Клятов молча смотрел в иллюминатор, за которым плескалась мелкая чугунная волна, и по потолку кубрика шли и исчезали ячеистые блики, раненный затих и ему вдруг показалось, что все они в кубрике утопленники, которым уже все равно ничем не поможешь.

– Еще неделю назад мы с женой и сыном гуляли у «Русалки» и казалось все так надежно, немцы не прорвутся, ведь никто не говорил об эвакуации!

– Слухи были! – поднял палец Клятов.

– Слухи да, но я же сознательный советский человек, я не должен им верить!

– Однако, оказалось правда, – усмехнулся капитан. – Или вы только правду пишете в своей газете?

– Оказалось – правда, – поник Дубровский, быстро и опасно и как бы оценивающе взглянув на собеседника.

– Послушайте, вы же военный человек, – снова встрепенулся он, – вы же можете объяснить... Ну, понятно почему мы северным фарватером не пошли – там финский берег, подлодки, торпедные катера, «Тирпиц» может объявиться, но почему мы не пошли южным, протраленным фарватером, а поперли по центральному, прямо на минные поля Юминды! – он в отчаянии ударил ребром ладони по столу.

– Говорят, береговая артиллерия у немцев... хотя какая сухопутная артиллерия сравнится с нашей флотской крупнокалиберной с крейсеров да эсминцев, да мы бы их в два счета подавили, держали же Таллин только на заградительном огне артиллерии целых три дня!

– Что же мне писать?

– А вы ничего и не пишете...

– Хорошо, можно не писать, но жертвы, жертвы!.. Знаете, мне иногда кажется – тут крупной диверсией пахнет...

Клятов расстегнул бушлат и откинулся на спинку стула.

– Врагов много, – устало произнес он. – Внутренних, – зевнул. – Они все путают... А ОН не может же быть всегда и везде... Враги, враги, куда ни кинь – враги, выходит мало их раскрывали...

– Да, наверное, вы правы, – но есть же конкретные люди или конкретная личность, наконец, которая в ответе за то, что здесь творится?

– Может и так...

– Трибуц!!! – выдохнул, глядя ему прямо в глаза Дубровский.

– Нет, я сам присутствовал на вчерашнем совещании, где обсуждался южный фарватер и адмирал Ралль на нем настаивал, а Трибуц сказал, что все уже решено выше и видно, что он просто исполняет чей-то приказ, хотя ему это и не нравится. Надо, думаю, брать выше...

– Господи, сколько ни боремся с этими внутренними врагами, а их все не меньше и при такой мощной службе безопасности, почему?... или... – глаза Дубровского внезапно расширились от ужаса – или вы хотите сказать...

– Что я хочу сказать?

– БЕРИЯ?.. – тихо выдохнул Дубровский.

...

– Доктор, я видеть буду? – снова застонал раненный в углу, мотнув перевязанной головой.

– Та Будэ, будэ, ще як будэ бачить, – успокаивал устало его товарищ.

4

Нехорошо сощурившись, сжав погасшую трубку, вождь перечитывал донесение, пытаюсь вникнуть между строк: эти сволочи, эти трусы и предатели сделают все, чтобы скрыть от него правду, свои грехи перед ним. Но даже после первого прочтения, составленного наверняка как можно более прилаженно и хитроумно, когда относительные удачи выгодно оттеняются, а неудачи затушеваны, становилось ясно, что это чудовищный разгром: более половины судов не дошло, хотя цифры потерь, наверняка, всеми правдами и неправдами были приуменьшены.

– А-а ...! – вырвалось из-под рыжих прокуренных усов вождя грузинское матерное и в приступе злобы, которая побеждала все чаще проявляющуюся немочь, он еще крепче сжал трубку. – Трибуц, ах, Трибуц! Конвой, конвой погубил, негодяй! Расстрелять его!

Но что-то оставалось не до конца выясненным, и вождь снова разжег трубку, встал из-за длинного стола и принялся расхаживать по зеленой ковровой дорожке кабинета как обычно, когда надо было поразмыслить о чем-нибудь важном и принять окончательное решение.

Трибуц ему никогда не нравился, этот представитель новой скороспелой военной элиты, оказавшийся неожиданно для себя адмиралом в результате колоссальных должностных вакуумов, возникших после чудовищных репрессий. Здесь была скрытая и особенно досадная для вождя параллель: Трибуц – бывший фельдшер, лекпом, ставший по прихоти дуры-судьбы адмиралом одного из самых сильных в мире флотов и он, бывший семинарист из Гори, ставший вождем самой громадной в мире страны. Но эту причину неприязни вождь не доводил до собственного сознания: вождям копать в себе некогда и ни к чему – не нравится – и все тут, а если не нравится почему-то кто, раздражает – убрать подальше, а лучше – расстрелять (причину Лаврентий всегда придумает), – ну а тут и придумывать ничего не надо!

Трибуц, Трибуц... – он подошел к наглухо зашторенному окну, вытянул было руку, чтобы отвести штору и взглянуть на кремлевские звезды, но вовремя ее отдернул: а что если снаружи кто-нибудь увидит шевеление занавески и догадается, что ОН здесь, а там в охране люди с винтовками стоят, снайперы на каждом углу – вдруг кому что в голову придет? Да и больные

на голову бывают, а для остальных здоровыми кажутся. Он сам знает, не хуже этого старикашки Бехтерева, который его, ЕГО! объявил сумасшедшим!.. Разве нормальный может себе смерти желать? Ну и кто из них сумасшедший? – Он сам доказал и спит в земле сырой.

Никому и никогда нельзя верить! Южный фарватер захотели они, где немцы в двух шагах, – им еще сдаться на харчи Гитлера захочется, а не воевать!.. И такую возможность он должен был предусмотреть! Ведь миллионы негодяев, трусов и предателей так и сделали! Где 48-я армия?.. И Клим, Клим его сразу понял, только про южный фарватер заговорили эти адмиралы – и Кузнецов, и Исаков... Клим хоть и дурак, но нюх у него, есть нюх...

– Хэр вам, а не южный фрватэр! – вслух объявил вождь, обращаясь к пустому длинному столу, за которым обычно он рассаживал генералов и адмиралов. – Трыбуц, Трыбуц! – Сталин приостановился, слегка отойдя от окна, потирая разболевшийся висок, – странная фамилия, не еврей ли? Надо Лаврентию поручить, чтобы покопал поглубже...

Конвой погубил, корабли погубил, флот собирался затопить... Стоп... Он внезапно остановился, вспомнив с каким упорством вился вокруг него Кузнецов, выпрашивая ЕГО подпись под этой телеграммой: «Заминировать и подготовить к взрыву все корабли КБФ, суда торгового, пассажирского, рыболовного флотов на случай захвата противником Ленинграда». Обычно такие покорные адмиралы, дрожащие под его взглядом, адмиралы, которых после вызовов к нему откачивали доктора, здесь вдруг встали как один и уперлись: без Вашей личной подписи такое распоряжение отдавать не будем!... И ему все-таки пришлось, пришлось поставить свою подпись... да, вспомнил – все-таки поставил!

Вождь вдруг усмехнулся: а адмирал Кузнецов голову беречь умеет и Трыбуцу сберег...

Вождь подошел к столу и принялся перечитывать донесение, списки судов и кораблей потопленных немцами и не дошедших до Кронштадта. Бровь его слегка дернулась: все-таки большая часть военного флота дошла, и крейсер «Киров», хоть и большие потери (а «Киров» Трыбуц сберег таки!). Обратная ситуация была с конвоями и их охранением – крохи уцелели... Ну, люди гибли, гибнут и будут гибнуть, это дело обычное, на то они и люди, а вот эти чудесные механизмы, в которых нет ни тени измены и предательства: эти двигатели, шестерёнки, маховики, турбины, винты, крупнокалиберные орудия, ... кто их сейчас заменит? А людей у нас еще много – больше чем в любой стране Европы и Америки. Россия потом нарожает, (аборт он предусмотрительно запретил) ... И Лаврентий поможет! – усмехнулся вождь, ему понравилась его шутка, подняла настроение: кто сейчас скажет, как Бехтерев, что он мизантроп и параноик, если даже в таких условиях умеет шутить? – «Спи Бехтерев, спи спокойно: похороны ми тебе сделали харещие». А люди – хворост, хворост горит – пастуху теплее и безопаснее в горах ночью, когда темнота со всех сторон с дивами, дэвами всякими... А когда костер притухает – лишь тревожнее.

Собственно черт с ним, с несимпатичным Трыбуцем, расстрелять всегда успеется... Он – Вождь и умеет ставить государственные интересы выше собственных! Он – Вождь и должен мыслить государственно! Мало побед у Красной Армии с начала войны, почти не было... Но в его еще власти, кое-какие поражения, особенно неявные, не окончательные превратить в победы. Дошел же все-таки военный флот и «Киров» с золотым запасом Эстонии. А чем не героический переход КБФ из Таллина в Ленинград!? Звучит совсем неплохо... Надо, наконец, поднимать боевой дух армии и народа...

Сталин взял трубку:

– Паскребищева мне!

Вошел Поскребышев: лысый и извилистый, как среднеазиатский варан.

– ...Товарищ Сталин?...

Вождь встретил его, сидя за столом и оторвав свои мутные очи от донесения, глянул на слугу:

– Отмэть себе. Адмирала Трыбуца представить к награде – ордену Красного Знамени!

5

Клятов шел немного впереди конвоиров и слышал, как шумят сосны, в последний раз в жизни. А может это и море: оно также шумит, оно близко – мелькнуло, махнуло меж стволов голубеньким платочком. Нет, Трибуц по прибытии в Кронштадт даже и не вспомнил о нем, не злопамятный был адмирал, но был в тот момент на мостике, где они повздорили, некто Третий, почти невидимый, и лица его почти никто не запомнил, некто Третий, в обязанности которого входило все слушать, запоминать и докладывать выше. Он, Третий, уважал свою работу и даром есть хлеб не хотел: и донос пошел своим ходом.

Собственно, смерть Клятову после того, что он видел, а в особенности после того, что узнал, теперь казалась ничтожной и пустяшной, хотя было и немного тревожно и холодило в груди.

Он шел легко. Хорошо было, что у него не было ни жены, ни детей, как у Дубровского, который выпрыгнул на палубу и пытался выброситься в море, узнав, что погибла «Вирония», хорошо, что он рано очутился в детдоме, где партия взяла его на воспитание в свои твердые руки. Лишь иногда в снах вставало женское лицо и он понимал, что это мать и просыпался в слезах. Ничего, скоро они встретятся, и она все расскажет. Он думал о том, что смерть – это избавление, это что-то хорошее, светлое, а вовсе не тьма, которой ее привыкли воображать.

Вверху вдруг что-то зацокало.

– Белка!!! – с восторгом крикнул Клятов конвоирам, полуобернувшись, и приостановился. Ему захотелось порадоваться с ними, передать свой восторг хоть кому-нибудь этим простым существом.

Маленькая белочка сидела над ними на сосновой ветви, задрав серый пушистый хвост дымком, и бойко грызла сосновую шишку, зажатую в передних лапках, держа на прицеле черного зоркого глазка нескладных двуногих существ внизу.

Солдаты немного смутились и приостановились, а бдительный особист тут же расстегнул кобуру, дабы предотвратить возможный назревающий побег.

– Иди, иди, – толкнул Клятова он в спину.

Вот и яма. Куча вывернутого из глубины сырого рыжего песка. Все выглядело как-то глупо и не по-настоящему, не могло быть это по-настоящему – и эти солдаты со звездами на пилотках и особист в фуражке, расстегивающий планшет с приговором. Как тогда, происходившее на сцене русского театра в Таллине, куда Клятов однажды повел Вильму на «Гамлета». Он почему-то представил себе, что все эти шекспировские герои и героини, добрые и злодеи, живые и мертвые, отравленные и заколотые, смоят грим после спектакля, достанут припасенную бутылку водки, нехитрую закуску и засядут все вместе за веселый театральный капустник – и Гамлет, и Полоний, и Офелия, и Гертруда с узурпатором, и даже призрак отца Гамлета... А рядом сидела Вильма и глаза у нее были такие светлые и холодные, что становилось жарко от желания во что бы то ни стало растопить эту холодность, хоть слезинку выдавить, и прощаясь он так сильно сжал ее, что она шлепнула его по руке и вырвалась: «Сумасшедший! Все русские сумасшедшие!»... – быстро поцеловала его в щеку и исчезла за дверью. Так ничего у него с Вильмой и не было. Потом закрутилась эвакуация, немцы подходили к самой Пирите и кто-то вдруг сказал, что Вильма то ли работала на немцев, то ли входила в кайселит. И несмотря на бешеный темп работы, он все же выкроил минут сорок и сбегал в город. На стук в знакомую дверь ему открыла пожилая эстонка с такими же светлыми как у Вильмы, но окруженными морщинами глазами. На вопрос о Вильме она только сказала:

– Вильмы больше нетт, – и замолчала. – Вильмы больше нетт, – повторила сурово она на все его попытки что-то прояснить и, вытянув руку ко входу сказала величественно и твердо: – Никогда, никогда не возвращайтесь в этот горотт...

Клятов стоял спиной к конвоирам и смотрел на бронзово-золотые шершавые стволы, за которыми голубело прохладное, как глаза Вильмы, море.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.